

Лиана Ф.

КАК НЕ СЖЕЧЬ
ДЕРЕВНЮ
И ВЫЙТИ ЗАМУЖ

ВЕДЬМА
ЗЛАЯ,
НО КРАСИВАЯ
И ГОТОВИТ
ОТЛИЧНО

18+

Лиана Ф.

Как не сжечь деревню и выйти замуж

<https://litres.ru/74138438>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня зовут Санди. Я ведьма, у которой всё идёт не так. Моя магия разрушает всё к чему прикасается. Я сбежала в деревушку Макбог, чтобы спрятаться от мира и погони полицейских, но вместо покоя нашла кузнеца, который не говорит уже десять лет. Его голос украла злая ведьма, которая не прощает отказов. И я – единственная, кто может помочь.

Чтобы спасти его, мне нужно найти три осколка старого проклятия. Но где они? Если я ошибусь, я потеряю всё и его заберёт старая ведьма навсегда. Если угадаю – обрету то, о чём не смела мечтать.

Это история о магии, которая работает наоборот, о любви, которая громче проклятий и о том, как даже у самой нелепой ведьмы есть шанс на счастье.

Тёплая, романтическая и загадочная история, которая не оставит равнодушным никого, кто верит в чудеса.

Содержание

Пролог.	4
1 глава.	10
2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Как не сжечь деревню и выйти замуж

Пролог.

Тёплое одеяло ещё обнимало меня, а голова даже сквозь сон кружилась, будто я всё ещё бродила по лесу, где пахло хвоей и сырой землёй. Вчерашняя ночь в этой деревушке, затерянной среди холмов, выдалась на удивление удачной. Я набрала полную корзину шишек, толстых и пахучих, а потом долго кипятила их в старой кастрюле, добавила корицу, каплю лунной воды и секрет бабули Мосс. Настоечка получилась прозрачной и тёплой, и я выпила её на крыльце под звёздами, чувствуя, как внутри разливается покой. Со мной такое случалось редко, так что я даже испугалась, не подмешал ли мне кто чужое счастье по ошибке.

Проблем не случилось вообще, и это было подозрительнее любого проклятия. Вся моя жизнь с самого рождения катилась под откос с таким упорством, будто я заключила с судьбой пари и каждый день его проигрывала. Раньше я думала, что это просто неловкость, тяжёлая рука или рассеянность, из-за которой я клала соль в чай, а сахар в суп. Но со временем поняла, что дело в магии внутри меня, которая работала не так, как у нормальных ведьм, а строго наоборот, превра-

шая порядок в хаос, а мои надежды в пепел.

Куда бы я ни устроилась, меня выпирали оттуда почти сразу, и лицо начальника при этом всегда искажалось так, будто его любимый шкаф превратился в тыкву и запел. В Марвэле, городе, где мостовые пахли дождём, а булочные коридоры, я устроилась баристой в маленькую кофейню с медными лампами и тихой музыкой. Мне выдали фартук, чистый и бежевый, с кармашком для чаевых, и я стояла за стойкой, полная решимости начать новую жизнь.

Но кофемашина, видимо, почувствовала мою ауру и решила не ждать. Она взорвалась спустя три часа моей смены с таким грохотом, что с полки слетели все чашки. Весь кофе, горячий и чёрный, выплеснулся прямо на лысину толстого мужика, который как раз склонился ко мне, чтобы сделать замечание. Он ждал от силы минуту, но явно считал, что мир крутится вокруг него и его чашки эспresso. Лысина его, только что блестящая самодовольством, теперь блестя кофейной глазурью, и коричневые ручки текли по щекам, капали на галстук, на дорогой костюм, ботинки начищенные до блеска.

Я стояла в полном шоке, сжимая пустую чашку, и чувствовала, как внутри всё холодеет, а сердце падает куда-то в пятки. Тут же позвали директора, сухого мужчину с усами, похожий на дохлую гусеницу. Он обвёл взглядом меня, дымящуюся кофемашину и лысину пострадавшего, с которой капало на паркет. После чего выкинул меня вон, бросив на

прощание, что руки у меня растут не из того места. Я побрела домой, чувствуя, как в груди закипает смех пополам с обидой. Лысина-то блестела просто великолепно, и мужик тот запомнит этот день на всю жизнь, а я запомню его лицо и буду рассказывать эту историю каждому, кто спросит, почему я больше не работаю в кофейнях.

В тот случай с кофейней я была совсем молоденькая, двадцать два года не больше. Ещё училась в университете на факультете алхимических смесей, что звучало гордо, но на деле означало, что я целыми днями нюхала реактивы и мечтала не взорвать лабораторию хотя бы до обеда. С самого детства мне нравилось всё смешивать: травы, шампуни, порошки, жидкости разного цвета, которые шипели и пузырились, обещая чудо или катастрофу, причём катастрофа случалась чаще и охотнее.

Учёбу я еле-еле закончила и это чистая правда, потому что путала ингредиенты постоянно, вместо сиропа от кашля – жидкость, которая превращалась в взрыв. Один раз на экзамене по чистке металлов, я так разволновалась, что ложка превратилась в живую ящерицу, которая укусила профессора за палец и убежала в вентиляцию, и мне поставили тройку только из жалости, потому что ящерица оказалась симпатичная, всё подумали, что она выскользнула из моей сумки. В другой раз мы варили успокоительное, и я перепутала лаванду с полынью, отчего вся группа начала безудержно хохотать, а преподаватель рыдал в углу, сам не зная отчего. Кое-

как получив диплом с пометкой «практика требует контроля», я пошла работать, потому что родители, обычные маглы без какой либо магии как и все остальные, вздыхали и говорили, что обеспечивать взрослую девушку всю жизнь не собираются, хотя продолжали подкидывать деньги.

Парня у меня не было и винить в этом некого, кроме самой себя и маленького города, где все знали, что за Санди Перес тянутся неудачи, как привязанный на верёвочку хвост, и люди предпочитали обходить меня стороной, чтобы не попасть под случайный взрыв, проклятие или неловкую ситуацию с исчезновением бровей. Меня это, честно говоря, устраивало: я любила побыть одна, читать книги, разговаривать с кошками, которые, кстати, мне отвечали, но не мяуканьем, а вполне себе словами внутри головы. Сначала я думала, что схожу с ума, а потом поняла, что это магия так работает. Ещё я слышала голоса, тихие и невнятные, которые шептали из стен, из старых зеркал и никто не мог меня научить, что с этим делать, потому что нормальные ведьмы проходили обучение в академиях, а я была ошибкой системы, случайностью, которую в роддоме, видимо, перепутали с обычным магловским младенцем.

Так и росла в полном хаосе, пока не наткнулась в интернете на книгу «Основы начинающей ведьмы: как не взорвать себя и соседей», которую советовали в каком-то чате для таких же горе-колдуний. Я прочитала её за одну ночь, сидя на кровати с фонариком и кружкой какао, и наутро попробова-

ла сварить несколько микстур, и, о чудо, у меня получилось: зелье от головной боли вышло прозрачным и пахло мятой и я даже научилась летать на метле, правда, только ночью, когда родители спали и не видели, как их дочь носится над крышами, вцепившись в черенок и тихо повизгивала от восторга.

Но одна книга не сделала из меня гуру, и это стало ясно в тот день, когда я устроилась лаборантом-алхимиком на небольшой завод, производивший удобрения для садов, и работа эта пахла аммиаком и надеждой, а платить обещали прилично. Мне выделили стол, колбы и список рецептов, и я честно старалась ничего не путать, но через неделю что-то пошло не так: я отвернулась буквально на секунду, чтобы взять мензурку с полки, и в этот момент какой-то бак за моей спиной загудел, задрожал и взорвался с таким грохотом, что выбило окна во всём цеху. Завод заволокло зелёным дымом, люди кричали и бежали к выходу, а я стояла среди осколков, оглохшая и перепуганная, и смотрела, как предметы вокруг взлетают в воздух сами собой, кружатся в вихре и падают в разные стороны.

Полиция приехала быстро и начала просматривать камеры, на которых было отчётливо видно, что перед взрывом меня окружало странное свечение, а инструменты подпрыгивали на столах, хотя я к ним не прикасалась. Были пострадавшие, но, слава богу, никто не погиб – я бы себе этого не простила, носила бы вину до конца жизни, как камень, – и

пока санитары бинтовали ожоги, а детективы перешёптывались, бросая на меня косые взгляды, я поняла окончательно и бесповоротно: мне нужно уйти. Нужно уйти в глушь, стать отшельницей, спрятаться там, где никто не пострадает от моей руки, потому что я не ведьма, я горе-ведьма и никакая книга этого не исправит.

Меня объявили в розыск, и я собрала пару чемоданчиков, взяла деньги, которые откладывала на чёрный день, села на метлу и улетела так далеко, что сама не поняла, как очутилась здесь, в деревушке под названием Макбог, где воздух пах лесом и тишиной, а дороги не было ни на одной карте. Домик на сваях я купила у бабули Мосс, которая оказалась настоящей ведьмой, живущей тут уже лет пятьсот и она, странное дело, взялась меня учить, хотя я не просила, и теперь я потихоньку учусь справляться с эмоциями, потому что если я их не контролирую, то путаю всё, взрываю и мир вокруг идёт кувырком, как моя жизнь до этой недели.

1 глава.

Я отодвинула мысли о прошлом куда подальше, в тёмный угол памяти, где они обычно лежали свёрнутыми в пыльный комок, и поняла, что пора просыпаться, потому что петух Клайв уже горлопанил на всю улицу так, будто сообщал о конце света, а конец света в этой деревне, судя по всему, наступал каждое утро ровно в пять часов. В домике пахло пылью, старой древесиной и травами, которые висели на стене, прибитые к кривому гвоздю и запах этот был густым и чуть горьковатым, как воспоминание о чём-то, чего никогда не случалось, но очень хотелось. Я отодвинула цветастое одеяло, под которым спала, сшитое бабулей Мосс из сотни разных лоскутков, и встала со скрипучей деревянной кровати, которая жаловалась на моё существование каждый раз, когда я шевелилась.

Подошла к мутному, слегка грязному окошку и выглянула наружу, щурясь от серого утреннего света, который сочился сквозь облака, как процеженный через марлю сироп. В этой деревне не было ни интернета, ни связи, ни даже нормальной дороги, только люди, которые жили здесь так давно, что сами, наверное, забыли зачем, хотя я-то знала, зачем живу здесь я: чтобы скрыться от полиции, чтобы меня не посадили в тюрьму или, того хуже, не упекли в психиатрическую клинику, где стены обиты мягким войлоком, а на завтрак дают

таблетки вместо яичницы. Обычные маглы не знали, что со мной не так, а я не знала, как им объяснить, что магия внутри меня работает криво, и я не колдую, а скорее устраиваю магические аварии с человеческими жертвами в виде нервов.

Небо ещё только начинало розоветь над холмами, и я уже собиралась нырнуть обратно под одеяло, но на мою постель с размаху запрыгнул толстый чёрный кот Мортимер, придавив мне ноги своим пушистым задом, и заговорил голосом, в котором плескалось столько же наглости, сколько шерсти на его боках.

– Вставай, горе-ведьма, – заявил он, сверкнув жёлтыми глазищами. – Я требую завтрака и не надо делать вид, что ты меня не слышишь, потому что я знаю, что ты проснулась ещё полчаса назад и пялилась в потолок с дурацким выражением лица.

– Отстань, – простонала я, сжимая голову руками и проводя ладонью по лицу, которое, судя по ощущениям, напоминало мятую простыню после стирки. – У меня похмелье и голова сейчас треснет ровно посередине, как переспелый арбуз.

– Слышь ты, кочерыжка, – Мортимер наклонил голову набок и прищурился, – я сейчас всё в доме расцарапаю, если ты не встанешь. Где моя рыба? Я чувствую её, она где-то здесь, совсем рядом, и запах идёт прямо из-под твоей постели.

– Ты что несёшь? – возмутилась я и даже приподнялась на локтях. – Нет у меня никакой рыбы. Хочешь сказать, от

меня пахнет селёдкой, что ли?

Мортимер ничего не ответил, только фыркнул, прыгнул на пол, юркнул под кровать с ловкостью, неожиданной для его упитанной туши, и через секунду вытащил оттуда пакет с рыбой, которую я вчера вечером притянула силой мысли прямо с прилавка местного торговца, потому что денег на рыбу у меня не было, а желание поесть вкусного пересиливало остатки совести. Рыбина была завёрнута в старую газету, и Мортимер уже вцепился в неё зубами, раздирая бумагу с таким азартом, будто это была не еда, а его личный враг.

– Эй! – вскрикнула я и рванулась к нему. – Это мой завтрак, ты чего творишь, пушистый бандит?!

– Я тоже есть хочу, – пробубнил он, не переставая чавкать, и кусок рыбы исчез в его пасти, как в бездонной чёрной дыре. – И молоко мне дай. Быстро.

Я повиновалась, потому что спорить с котом, который когда-то был архимагом, а теперь считал себя королём этой халупы, было себе дороже. Прошлёпала босыми ногами к старому холодильнику, который гудел, как рассерженный шмель, налила в миску молока из глиняного кувшина и поставила перед Мортимером на пол. Он прервал уничтожение рыбы ровно на секунду, глянул на миску, потом на меня и сказал с таким видом, будто делал мне величайшее одолжение:

– То-то же. А то я ору, ору, а ты лежишь, как бревно и ноль реакции, рыжая.

Делать было нечего, завтрак мой бессовестно сожрал кот, который теперь довольно облизывался на моей подушке и делал вид, что мир создан исключительно для его удовольствия, так что я накинула белый халат, ещё хранивший запах вчерашней настойки и лёгкий аромат дыма и вышла на крыльцо, вдохнув утренний воздух, сырой и прохладный, пахнувший мокрой травой.

Я направилась к курятнику, который стоял чуть поодаль, покосившийся и облезлый, но всё ещё крепкий, построенный бабулей Мосс лет сто назад и с тех пор ни разу не отремонтированный, потому что куры не жаловались, а бабуля считала, что лишний комфорт развращает живность. Внутри уже копошились пернатые, переговариваясь на своём курином языке, и Клайв восседавший на самой высокой жёрдочке, посмотрел на меня с таким выражением, будто я опоздала на важное совещание и теперь должна объясняться.

Я зачерпнула зерна из старого мешка, что стоял в углу, и рассыпала его по земляному полу широким жестом, глядя, как куры бросаются к еде, толкаясь и кудахтая, а Клайв спустился вниз медленно и величественно, словно генерал, проверяющий войска перед парадом. Потом я собрала яйца с лотков, аккуратно укладывая их в плетёную корзинку, тёплые и гладкие на ощупь, потому что вчера у меня не было времени сделать это из-за моего приятного вечера с шишками и настоечкой, и куры оставленные без присмотра, уже начинали коситься на меня с укором, как умеют старые тё-

тушки.

– Ты почему вчера яйца не собрала? – спросил Клайв, взъерошив перья на шее и глядя на меня одним глазом, круглым и блестящим, как мокрая пуговица. – Я всю ночь охранял их от крыс, между прочим, две штуки пытались украсть, пришлось крыльями махать и орать так, что Мортимер проснулся и обозвал меня истеричкой.

Я вздохнула и поставила корзинку на перевёрнутое ведро, служившее мне табуреткой, потому что спорить с говорящим петухом было делом таким же привычным, как дышать, и примерно таким же бесполезным. В этой деревне даже курицы косились на меня, а петух болтал без умолку уже двадцать лет, потому что когда-то давно ведьма Мосс наложила на него чары, превратив из человека в пернатого, и сделала это с полным на то основанием, надо сказать.

У бабули Мосс тогда ещё была дочь, Сафина, молодая ведьма лет шестидесяти, что по ведьмовским меркам считалось почти юностью, и она, конечно, была поумнее меня, двадцати девятилетней горе-колдуньи с магией наоборот. Сафина училась у матери, как управлять силой, как варить зелья и слушать голоса предков, но тут появился Клайв, который в те времена был вовсе не петухом, а торговцем, ходившим по деревням с тележкой, набитой продуктами, специями и сладкими речами. Он вбил Сафине в голову, что магия ей не нужна, что мир большой и прекрасный, а ведьмовство – это пережиток прошлого и она, глупая, повелась,

рассорилась с матерью вдрызг, сделала какой-то тёмный ритуал отречения от силы и улетела на самолёте в далёкие края, бросив матушку одну в старом доме.

Бабуля горевала так, что холмы дрожали, а туман над болотом сгущался в чёрные тучи, потому что ведьмы живут по тысяче лет, и она хотела отдать дочери всё, чему научилась за свои пятьсот, а та взяла и вычеркнула магию из своей жизни, как ненужную строчку в списке покупок. Клайва же бабуля обратила в петуха, сказав коротко и без злобы: «Как вернётся дочь, так и обращаю тебя обратно, а пока будешь кукарекать и охранять курятник». Дочь не вернулась, годы потекли, и Клайв сидел в курятнике уже два десятка лет, просил, умолял, даже предлагал выкупить своё прощение, но бабуля была непреклонна, и теперь только вздыхала, глядя на него с усмешкой, полной старой печали.

Вот так и получилось, что я, Санди Перес, ведьма в бегах, стала её ученицей и, видимо, будущей преемницей, потому что в Макбоге других ведьм не водилось, особенно таких молодых, как я, и бабуля, похоже, решила пригреть меня, научить всему, чтобы было кому следить за порядком в этой глуши и наказывать тех, кто не слушается. Я смотрела на Клайва, который топтался на месте, перебирая лапами, и думала, что жизнь – штука странная: один дурак с тележкой наворотил дел двадцать лет назад, а мне теперь собирать яйца и выслушивать его жалобы.

Я зашла обратно в дом, толкнув скрипучую дверь пле-

чом, потому что руки были заняты корзинкой с яйцами, и переступила порог, стараясь не запнуться о половицу, которая вечно цеплялась за пятки, будто дом проверял, насколько я ловкая сегодня. Внутри пахло травами и чуть-чуть рыбой, которую Мортимер не доел, оставив на полу обсосанный хвост и мокрое пятно на газете, и я, обойдя этот натюрморт, прошла к старой плите, где уже стояла чугунок-сковорода, тяжёлая и надёжная, как память о бабушке, которой у меня никогда не было.

Разбила яйца прямо на раскалённое масло, и они зашипели, зашкворчали, растеклись золотистыми кругами, тем временем сыпанула туда приправ, которые стояли в жестяных баночках на полке: щепотку сушёного тимьяна, крошку острого перца и немного соли, пахнувшей морем. Потом вытащила из шкафчика заветный кусочек красной рыбки, который уцелел и был спрятан так далеко, что даже Мортимер не унюхал, хотя его нос работал лучше любого радара. Рыбка пахла аппетитно и чуть дымно, и я уселась за стол, собираясь наконец-то поесть в тишине.

Но тишина в моём доме была понятием относительным, потому что Мортимер, который куда-то ушёл, не предупредив, всё равно оставался главной темой для размышлений, и я, жуя яичницу, думала о том, какой же он всё-таки странный кот. Не ловит мышей, вообще, принципиально, будто это ниже его достоинства. Не знаю, куда он пошёл с утра пораньше, но точно не на охоту, потому что мышей в доме я

не замечала, может, он их ловит и не ест, а складывает где-нибудь в углу, как коллекцию трофеев. Он был архимагом, а теперь кот, и почему-то его это устраивало, хотя я не знала подробностей, он мне их не рассказывал, только обмолвился однажды, что сменил нескольких ведьм до меня, но они были не такие, как я, и это звучало почти как комплимент, хотя, скорее всего, означало, что я самая безнадёжная и оттого самая интересная.

– Я вообще-то всё слышу, – раздалось с печки, и я чуть не подавилась куском рыбы.

Мортимер лежал там, свернувшись в чёрный пушистый бублик, и смотрел на меня сквозь полуприкрытые веки, а кончик его хвоста лениво подрагивал, выдавая раздражение.

– Я читаю твои мысли, Санди, и прошу тебя, думай не так громко, потому что ты мешаешь мне спать своими рассуждениями о моей сущности и о том, должен ли я ловить мышей, как какой-то дворовой оборванец. Я не ловлю мышей не потому, что не умею, а потому, что это скучно, и вообще мыши в этом доме не водятся, потому что я их распугал своим величием.

Я прожевала и запила чаем из глиняной кружки, чувствуя, как внутри разливается тепло от еды и раздражения одновременно.

– Ты мог бы предупредить, что ты дома, а не пугать меня до икоты, – сказала я, тыкая вилкой в его сторону. – И вообще, где ты был? Я думала, ты ушёл куда-то по своим коша-

чьим делам.

– Кошка из соседнего дома опять крутилась у забора, – ответил он с таким видом, будто делал величайшее одолжение, снисходя до объяснений. – Я вышел поздороваться, но она, как всегда, сделала вид, что не замечает меня. А теперь, если ты закончила свою трапезу и свои громкие мысли, я, пожалуй, продолжу спать, потому что утро было слишком долгим.

– Ладно, чёрт с тобой, – прошипела я сквозь зубы, хотя злости в голосе было не больше, чем в комарином писке, и кинула грязную посуду в раковину, где она звякнула о край старого чугуна и затихла, словно тоже решила не спорить с этим миром.

– Я на речку, – бросила я в сторону печки, вытирая руки о полотенце, которое когда-то было белым, а теперь напоминало карту моих кулинарных катастроф. – Надо лицо прополоскать, зубы почистить, воду набрать для посуды, может, заодно мысли в порядок привести, если они вообще поддаются порядку.

Мортимер ничего не ответил, только сладко засопел, свернувшись в клубок, и его чёрный бок равномерно вздымался и опускался, как маленькие меха. Я подошла к печке, ступая тихо, чтобы не потревожить половицы, и провела ладонью по его шерсти, тёплой и мягкой. Он дёрнул ухом во сне, но не проснулся, только прижался носом к собственному хвосту, и я вдруг поймала себя на мысли, что люблю кошек, и

этот конкретный кот, ворчащий и заносчивый, вызывал во мне странную смесь нежности и раздражения, как если бы я завела себе не питомца, а маленького критика, который знает обо мне всё и не упускает случая напомнить.

Я всё ещё стояла, поглаживая его за ухом, и думала: радоваться ли мне такому фамильяру или всё-таки это судьба решила пошутить надо мной, подсунув самого болтливого кота во всей деревне, который постоянно меня ругает, но почему-то спит на моей печке, а не уходит к другой хозяйке, и это, пожалуй, что-то да значило.

Я вышла из дома, прихватив жестяное ведро, которое брякало о мою ногу при каждом шаге и норовило зацепиться ручкой за всё подряд. Спустилась вниз с горки по узкой тропинке, протоптанной зверями или жителями в прошлом веке, вышла к речке, которая текла медленно и лениво, словно тоже только проснулась.

Набрала водицы, холодной до ломоты в пальцах, прозрачной до самого дна, где лежали гладкие камешки и шевелились водоросли. Зачерпнула полные ладони, плеснула в лицо и зажмурилась от удовольствия, чувствуя, как капли стекают по шее за шиворот, оставляя мокрые дорожки на коже, а сонливость и остатки похмелья утекают вместе с речной водой куда-то вниз по течению. Конечно, условия тут так себе, никакого тебе водопровода, горячего душа и прочих благ к которым привыкаешь в городе, но мне даже нравилось это тихое место, где ветер шелестел в кронах старых ив, а един-

ственным звуком было журчание воды и далёкое кудяхтанье Клайва, который опять что-то не поделил со своими курами.

Из-за плеча кто-то тронул меня, и я резко обернулась, испугавшись до того, что сердце подпрыгнуло к горлу, а глаза распахнулись сами собой. Передо мной стояла грузная женщина в растянутой майке и широких штанах-алладинах, которые колыхались на ветру, как паруса небольшого корабля. Это была Мегги, местная фермерша, которую я уже пару раз видела, но лично мы ещё не общались.

– Зачем так пугать-то, – выдохнула я, прижимая мокрую ладонь к груди, где всё ещё колотилось насмерть перепуганное сердце. – Я чуть дух свой не отдала, подумала, пришли уже за мной злые духи или того хуже.

– Ох, ох, прости, девчушка, – запричитала Мегги, всплеснув руками, и её круглое лицо, обветренное и румяное, расплылось в виноватой улыбке. – Слышала я, ты теперь новая ученица бабки Мосс, вот и пришла просить, а ты тут умываешься, а я подкралась, дура старая. Лекарство мне надо, сваргань что-нибудь от бессонницы, а то мой старый хрыщ мне спать не даёт, всё бегают по ночам, то покурить ему приспичит, то свет включает, то радио забывает выключить, а я лежу и в потолок пялюсь до рассвета, сил уже нет.

Я наклонила голову набок, всё ещё вытирая лицо краем рукава, и переспросила на всякий случай:

– Вам нужно зелье от бессонницы, верно?

– Да, и самое крепкое, – закивала Мегги с таким жаром,

что её волосы, собранные в небрежный пучок, чуть не рассыпались по плечам. – Бабуля Мосс к тебе направила, сказала, тебе надо практиковаться в деле, а то какая же ведьма без практики, вот я и пришла первая, очередь заняла считай. Ох, как я рада, что теперь будет у нас такая, как ты, а то у нас и животные болеют, и люди маются, а бабуля одна не всегда всё успевает, всем всегда к ней надо, чтобы обратиться за её магией, а тут как знаешь, простой люд ждать не любит, когда спина болит или свинья не ест.

Говор у неё был деревенский, с такими округлыми гласными и мягкими согласными, что каждое слово звучало как бульканье тёплой каши в котелке, и я невольно улыbnулась, слушая этот поток.

– Ладно, к вечеру будет, – сказала я и подхватила ведро с земли, чувствуя, как внутри просыпается что-то похожее на гордость, смешанную с лёгким ужасом от того, что мне сейчас реально придётся варить зелье для живого человека, а не для себя и не для кота.

– Ой, спасибо, дорогая, – Мегги снова всплеснула руками и попятилась назад по тропинке, чуть не запнувшись о корень, но ловко удержав равновесие, как человек, привыкший ходить по неровной земле. – Я пошла, а то у меня там пасутся животные, не дай бог ещё убегут куда, пока я тут ласы то-чу. Давай, хорошая моя, жду к вечеру с пузырьком, и пусть у тебя всё получится, а если нет, тоже ничего страшного, у меня привычка терпеть уже выработалась.

Она развернулась и зашагала вверх по тропинке, а я осталась стоять с ведром у речки, глядя ей вслед и думая, что вот так, похоже и начинается моя новая жизнь, в которой ко мне приходят за помощью, а не бегут от меня в разные стороны с криками ужаса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.